

УДК 130.2+172.1

DOI: 10.48164/2713-301X_2025_20_13

А.М. Зотов

Самара

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
Медицинский центр психологической, психотерапевтической
и психиатрической помощи «София»
am-zotov@mail.ru

«КУЛЬТУРА НАРЦИССИЗМА» КРИСТОФЕРА ЛЭША

Программное исследование профессора истории Рочестерского университета Кристофера Лэша (1932–1994) «Культура нарциссизма: американская жизнь в эпоху убывающих ожиданий», впервые опубликованное в 1979 г., стало своеобразным манифестом нового типа культуры и раскрыло особенности формирования социотипа современного человека. Опираясь на теоретические обобщения клинической практики психоаналитиков, ученый рассмотрел социально-политические и экономические процессы в США в XX в. через призму концепции «нарциссической культуры». В настоящей статье предпринят обзор ключевых положений книги К. Лэша, профессиональный перевод которой на русский язык, несмотря на очевидную актуальность, до сих пор отсутствует.

Ключевые слова: нарциссизм, культура нарциссизма, общество потребления, общество зрелищ, самопоглощенность, терапевтический режим, либерализм.

В 1979 г. американский историк и социальный философ К. Лэш выпустил книгу «Культура нарциссизма: американская жизнь в эпоху убывающих ожиданий», мгновенно ставшую бестселлером и получившую национальную книжную премию США (1980 г.) в категории «Актуальный интерес». Сами семидесятые годы прошлого века другой американский автор, журналист и писатель Т. Вулф назвал «десятилетием Я» [1]. На это у него были все основания: в данный период были написаны и опубликованы основные труды по теме нарциссизма в США: «Декадентство: радикальная ностальгия, нарциссизм и упадничество в семидесятые годы» (Дж. Хуган, 1975), «Анализ самости» (Х. Кохут, 1971), «Пограничные состояния и патологический нарциссизм» (О. Кернберг, 1975), «Падение публичного человека» (Р. Сеннетт, 1976) и «Тирания интимности» (Р. Сеннетт, 1979), «Новый нарциссизм» (П. Мэрин, 1975), «Ловушка

самопознания: уход в себя вместо социальных перемен» (Э. Шур, 1976) – вот далеко не полный список ключевых публикаций. Казалось, интерес человека к самому себе достиг апогея. Нарциссизм увлек всех – от психоаналитиков и социальных философов до простых обывателей. Сам термин «нарциссизм» перекочевал из клинической среды, в которой все больше стали появляться и описываться пациенты с характерными психическими расстройствами и проблематикой, в сферу изучения общественных процессов.

Книга К. Лэша до сих пор так и не переведена официально на русский язык, хотя активно цитируется в трудах зарубежных последователей, например в другой фундаментальной работе на тему социального нарциссизма: «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» Ж. Липовецки (1983) [2]. В своем эссе о само- и социодеструктивной стратегии персонализма

современного человека он во многом опирается и развивает идеи, обозначенные в «Культуре нарциссизма». Незначительное количество публикаций российских исследователей по теме социального нарциссизма (например в «Научной электронной библиотеке» на сайте eLibrary.ru) в целом и с упоминанием наследия К. Лэша в частности вполне можно связать с недостаточным знакомством специалистов с творчеством американского философа.

В настоящей статье предпринят развернутый обзор основных положений концепции К. Лэша, посредством которых автор стремился обосновать формирование нового – нарциссического (постмодернового) – типа культуры, послужившего в условиях социально-экономических отношений источником возникновения нового социотипа человека. Нарциссический человек, изначально «обнаруженный» в кабинете психоаналитика, оказался «героем нашего времени» и требует теперь не только врачебной, но и философской рефлексии.

В названии книги К. Лэша не случайно дано прямое указание на эпоху, которая способствовала развитию тех тенденций в отношениях людей к самим себе и друг к другу, которые были названы нарциссическими. Эта эпоха – время убывающих ожиданий, всесторонних разочарований американцев. Экономический застой, поражение во Вьетнаме, дефицит доверия на разных уровнях власти с утратой веры в лидеров, очевидные сигналы об истощении природных ресурсов, усиление сепаратизма и национализма – все это пессимистически повлияло на настроения людей. Если добавить к этому разочарование европейцев в своих революционных движениях конца 60-х гг. XX в. и похожие социально-экономические трудности, то вполне можно констатировать, что указанные явления имели международный масштаб. «Буржуазное общество, похоже, повсеместно исчерпало свой запас конструктивных идей», –

пишет К. Лэш в предисловии к своей книге [3, с. 13]¹. Политический кризис капитализма автор увязывает с общим кризисом западной культуры и отчаянием в отношении попыток понять ход современной истории. Дальнейшие рациональные направления развития стали совершенно туманны. Либерализм как политическая теория утратил способность объяснять события, происходившие в мире государств и транснациональных корпораций. А заменить потерявшую силу идеологию оказалось нечем. Закономерно, констатирует К. Лэш, перестали обладать объясняющей силой гуманитарные науки. Естественные науки, «обещавшие» так много, разрозненно сфокусировались на своих предметах, не претендуя на инципирование фундаментальных изменений. Психология и социология перешли к «фиксированию мелочей», а философы были больше не способны объяснить природу вещей. Простой человек утратил интерес к прошлому, перестал смотреть в будущее с надеждой, доверять власти. Культура конкурентного индивидуализма привела к борьбе всех против всех, а стремление к благополучию и счастью – к тупику нарциссической озабоченности самим собой. При этом важно понимать, что описываемая ситуация не возникла из ничего, она долго вызревала в условиях прежнего времени, которое многими воспринималось как репрессивное, авторитарное, патерналистское. В этом смысле нарциссическая логика выглядит радикалистской в отношении прошлого, в отношении логики модерна. Против каких рамок было направлено накопившееся возмущение? Против авторитаризма семьи, литературной цензуры, репрессивной сексуальной морали, жесткой трудовой этики и т. д. С бурным ростом психологических практик и психоанализа с начала XX в. произошла смена основного социотипа человека.

На место *Homo economicus* пришел *Homo psychologicus*. Этот новый человек

¹ Здесь и далее перевод мой – А.З.

раскрепощен в вопросах семьи и секса, но при этом постоянно ищет признания. Он ориентирован на сотрудничество, но не потому, что так любит других людей, а потому, что всеми способами избегает конкурентного соперничества, в котором таится угроза проигрыша, а соответственно, обиды и разъедающей зависти. Он хочет немедленного удовлетворения множющихся как снежный ком потребностей и находится в беспокойном, вечно неудовлетворенном желании. У такого нарциссического человека нет интереса к прошлому, лишь «ностальгия», которая тоже стала ходовым товаром. Отсутствие опоры на прошлое, в том числе на свой собственный опыт, привело к невероятному росту количества экспертов в разных областях, определяющих, чем и как нарциссический человек должен удовлетвориться. В будущее же смотреть невероятно тревожно, поскольку кроме конца света на повестке ничего не осталось. К. Лэш приводит красноречивую статистику: продажи разнообразных «книг выживания» являются одними из самых быстро реализуемых товаров. Если нельзя «спасти» мир путем социальных преобразований, то нужно спасти хотя бы себя. Одной из главных забот нарциссического человека стало психическое самосовершенствование, инвестирование в себя. Предложение не заставило себя ждать и с лихвой обогнало спрос. Танцы, йога, здоровая пища, курсы осознанности, буддистские практики и прочее – вот что вышло на вершину интересов. Для многих такой взгляд на мир превратился в новую религию, «третье великое пробуждение», современную «культурную революцию». Укоренение в «здесь-и-сейчас» определено доминирующей позицией. Поскольку с авторитетами было покончено, нарциссический человек оказался в пустоте, в пустыне, о чем несколько позже более подробно напишет Ж. Липовецки. Место авторитетных фигур и исторических идеалов заняли идеалы нарциссические, сформированные из примитивных детских фантазий

и социальной архаики. В этих размышлениях К. Лэш всесторонне опирался на работы предшественников, прежде всего – психоаналитиков, и отмечал, что не священники или проповедники теперь работают на ниве духовного и душевного укрепления человека, а психотерапевты различных направлений. Современным эквивалентом спасения стало обретение «психического здоровья». Хотя терапия в таком изложении – это скорее антирелигия, писал К. Лэш, поскольку в ее основу не заложено служение какому-либо делу или потребностям других людей. Даже «любовь» и «смысл», встречающиеся в ценностном поле нарциссического человека, подчинены самому человеку, являются личностными, персональными потребностями, которые психотерапевт помогает удовлетворить. Политика сменилась самоанализом. Революционные настроения стихли, как и лидеры революций. Включился психотерапевтический режим. Многие видные общественные деятели, музыканты, художники, писатели, бунтари отметились публикациями о благотворном влиянии различного рода терапевтических и оздоровительных практик [4]. Жанр исповеди, ставший очень популярным, также свидетельствует, по мнению К. Лэша, о выраженных нарциссических тенденциях. Реализованное желание поставить себя в центр повествования чаще всего с различными неприглядными подробностями – вот один из заветных способов насытить собственное Эго. Нарциссический человек, предъявляя себя широкой общественности, легко переходит границу между самоанализом и самопотаканием. Исповедь становится антиисповедью, поскольку путешествие в глубину «не открывает ничего, кроме пустоты» [3, с. 21]. Чтобы как-то компенсировать внутреннюю пустоту, продолжает К. Лэш, нарциссический человек пытается согреться рядом со «звездами», в отражении «звезд». В этих интенциях автор видит истоки формирования толп фанатов и поклонников у кумиров, супергероев, знаменитых спортсменов,

музыкантов и других деятелей культуры. При этом кумиры «живут не долго», они приходят и уходят со скоростью изменения биржевых котировок и калейдоскопа синглов на вершинах мировых чартов. Но всегда нужно помнить, что мир фанатов и «звезд» – это мир одиночества, где люди не делают слишком больших инвестиций ни в дружбу, ни в любовь, избегая чрезмерной зависимости от других. Стратегия преодоления внутренней пустоты с поисками опоры внутри себя, наоборот, еще больше усиливает кризис личных отношений.

Исследуя нарциссизм как метафору состояния человека текущего времени, К. Лэш придерживался позиции, в которой отказывается использовать термин «нарциссизм» так широко и свободно, чтобы он утратил свое психологическое содержание. В связи с этим критике подвергается Э. Фромм, поскольку тот, на взгляд К. Лэша, слишком далеко отошел от клинического смысла этого термина, сделав его синонимом «асоциального» индивидуализма или группового «фанатизма», сепаратизма по какому-либо признаку. «Теоретическая точность в отношении нарциссизма важна не только потому, что эта идея так легко поддается морализаторскому раздуванию, но и потому, что практика приравнивания нарциссизма ко всему эгоистичному и неприятному противоречит исторической конкретике. Люди всегда были эгоистичны, группы всегда были этноцентричны; нет никакого преимущества от придания этим качествам психиатрического ярлыка. Однако появление расстройств характера как наиболее заметной формы психиатрической патологии, а также изменение структуры личности, которое это развитие отражает, обусловлено вполне конкретными изменениями в нашем обществе и культуре – бюрократией, захваченностью образами, терапевтическими идеологиями, рационализацией внутренней жизни, культом потребления, и напоследок – изменениями в семейной жизни и меняющимися моделями

социализации. Все это исчезает из виду, если нарциссизм становится просто “метафорой человеческого состояния”» [3, с. 32]. К. Лэш также критиковал тех исследователей, которые не уделяли должного внимания растущему объему клинических работ на тему нарциссизма. (Отметим, что число таких работ продолжало интенсивно расти и после выхода «Культуры нарциссизма», о чем будет сказано ниже.) К. Лэш полагал у выбравших такой подход осознанную позицию: возможно, акцент на клинических аспектах снижает полезность концепции о нарциссизме для описания социальных процессов. Однако, игнорируя психологическое измерение, считает он, эти авторы упускают и социальное. В работах психологов, психиатров и психотерапевтов выпукло видны те черты патологического нарциссизма, которые в менее экстремальной форме проявляются у нынешнего человека в повседневной жизни. Например, такие как зависимость от замещающего (викарного) человеческого тепла, предоставляемого другими, в сочетании со страхом зависимости от этих других; чувство внутренней пустоты; безграничный подавляемый гнев и оральные пристрастия (алкоголь, табак, секс и пр.). Дополнительно к этим характеристикам можно назвать псевдосамоуверенность, расчетливую соблазнительность и самоуничижительный юмор. Не опираться на клинический опыт, считал К. Лэш, значит лишить себя понимания основ для установления связи между распространенным нарциссическим типом личности и ведущими паттернами современной культуры, такими как сильный страх старения и смерти, страх конкуренции, всестороннее увлечение знаменитостями, ухудшение отношений между мужчинами и женщинами и т. д.

Безусловно, психолог и психоаналитик обычно имеют дело с отдельными людьми. А группы живут по собственным законам, своим «коллективным» разумом. Но каждое общество воспроизводит свою культуру в конкретном индивиде,

в личности и «...пытается по-своему разрешить универсальные кризисы детства – травму разлуки с матерью, страх быть брошенным, боль соперничества с другими за материнскую любовь. И то, как оно справляется с этими психическими событиями, порождает характерную форму личности, характерную форму психологической деформации, с помощью которой человек примиряется с инстинктивной депривацией и подчиняется требованиям социального существования» [3, с. 34]. Таким образом, К. Лэш аргументированно соотносил свои исследования ведущего социального типа личности современников с клиническими, в основном – психоаналитическими, отчетами, в которых проявлялись эти самые отдельные современники как наиболее яркие носители соответствующих свойств. При этом важно иметь в виду, продолжал К. Лэш, что сила психоанализа, проясняющая связь индивида и общества, велика именно тогда, когда она – эта сила – сфокусирована на своем предмете, т. е. на изучении отдельного человека. Психоанализ «больше всего рассказывает нам об обществе, когда меньше всего стремится к этому» [3, с. 34]. Опираясь на публикации ведущих психоаналитиков, автор «Культуры нарциссизма» привлекал еще один аргумент: нарциссические расстройства существенно вытеснили из всего спектра психических нарушений истерические расстройства и неврозы навязчивых состояний («болезни раннего капитализма»). То есть профиль душевных страданий современного человека существенно изменился. На второй план в последние десятилетия стали уходить четко выраженные симптомы и соответствующие жалобы, а на первом появилось смутное, плохо дифференцируемое общее недовольство жизнью, бесцельность, пустота и апатия. Такой человек (пациент, современный нарцисс) обычно в целом выполняет все свои повседневные обязанности, даже добиваясь порой немалых успехов, но счастье ускользает

от него, а жизнь не кажется стоящей того, чтобы ее проживать. Он жаждет восхищения со стороны других, пытаясь восполнить недостаток ранней любви. Он жаждет натиска эмоциональных переживаний, которые должны заполнить внутреннюю пустоту и отодвинуть страх перед старением и смертью. Стоит ли отдельно оговариваться, что такой портрет является достаточно точным для человека и нашего времени – 20-х гг. XXI века? Другими словами, нынешняя эпоха проявляется своими особыми формами патологии, которые в преувеличенном виде выражают лежащую в основе социальных процессов структуру характера отдельного человека. И этот характер, эта личностная организация «подкрепляется» самой эпохой: инфантильные влечения стимулируются соблазняющей рекламой, средства массовой информации узурпировали авторитетную родительскую позицию, внутренняя жизнь становится все более рационализированной вкупе с обещаниями личностной самореализации. Современный человек учится управлять не собственной жизнью, а создаваемыми о ней впечатлениями, становится менеджером образов – как на работе, так и в близких отношениях, которые теперь прагматично «строятся» без допуска иррационального влияния «любви». Взгляд нарцисса «видит мир как зеркало самого себя и не интересуется внешними событиями иначе, чем отражением его собственного образа» [3, с. 47]. Концепция нарциссизма, отмечал К. Лэш, подкрепленная клиническими данными, дает нам довольно точный портрет «героя нашего времени».

Опираясь на установленные связи между психоаналитическими клиническими исследованиями и анализом социальных процессов, К. Лэш приводит примеры изменений в различных сферах жизни, соответствующих нарциссической эпохе. Обозначим некоторые из них. Например добродетельное самосовершенствование XVIII и XIX вв. превратилось в культ «личностного роста» и поиск «формулы успеха». «Образ побе-

дителя» стал иметь несравнимо большее значение, чем производительность и продуктивность. Успешность при этом обязательно должна быть публично завизирована и подогреваема, пусть даже и псевдособытиями, видимостью. Успешность начала измеряться и сравниваться с успешностью другого. Более того, категории успешности, победы, техничности, считаемых и измеряемых «показателей» вторглись в те сферы, которые ранее не подчинялись стандартам достижений – личных, дружеских, сексуальных и любовных отношений. Далее, на заре промышленного капитализма рабочий человек виделся лишь как производитель товара, а сейчас он стал еще и широким его потребителем. А помогать потреблению и формированию новых потребностей призвана реклама, основанная на главной стратегии нарциссического времени – на соблазнении [5]. Производящее общество преобразовалось в общество потребления и сверхпотребления. Пропаганда товаров, полагал К. Лэш [3, с. 73], выполняет двойную функцию: утверждает потребление как альтернативу протесту и предлагает потребление как лекарство от духовной опустошенности современной жизни. Распространение рекламы в средствах массовой информации поставило новые вопросы к категориям истины и достоверности. «Правдивые» заявления о товаре тут и там вводят потребителей в заблуждение, жонглируя различными характеристиками и отзывами известных людей, «экспертов». Утверждения о товаре, о событиях перестали претендовать на правдивость, удовлетворяясь правдоподобностью. Реклама и пропаганда стали инструментами, представляющими потребителю информации «реальность». Сам потребитель, «желая быть всесторонне информированным», идет навстречу предлагаемой правдоподобной и эмоционально комфортной информации. Изобразительность как одно из ключевых свойств рекламы и пропаганды проникла, в том числе,

и в политику, развернув ее в сторону зрелищности. Политики на разных континентах стали заботиться в первую очередь о том, как выглядят их решения, какой производят эффект на избирателей и население. «Перерождение политики в зрелище не только заменило производство политики на пиар, размыло политический дискурс и превратило выборы в спортивные состязания, в которых каждая сторона претендует на преимущество “момента”, но и сделало организацию политической оппозиции более трудной, чем когда-либо. Когда образы власти затмевают реальность, те, кто не имеет власти, оказываются в борьбе с фантомами» [3, с. 81]. Зрелище, видимость, иллюзия стали основными средствами модерации реальности. Более того, «ощущение реальности, как ни странно, зависит от нашей готовности поддаться инсценированной иллюзии реальности» [3, с. 87]. Но вопреки ожиданиям, уточнял К. Лэш, нарциссический человек в целом апатично и безразлично относится к предлагаемой иллюзорности. Он знает, что его обманывают! Тогда можно предположить, что его безразличие к механике иллюзии означает крах самой идеи реальности. Это безразличие свидетельствует об утрате способности интересоваться чем-либо за пределами себя. «Вместо невротического персонажа с хорошо структурированными конфликтами, в центре которых – запретный секс, авторитет, зависимость и независимость в семье, мы видим героев, полных неуверенности в том, что реально» [3, с. 90]. Идеология инсценировки, создания иллюзии ведет современного человека к основному выводу, заключающемуся в том, что главным актером, главным продуктом и шедевром, на который стоит обращать внимание и которого стоит культивировать, является он сам. А весь мир играет роль зеркала, не только подтверждающего, что смотрящий в него существует, но и показывающего все большие и маленькие недостатки вплоть до прыщика на лице. Их можно

нивелировать, «замазать», чтобы выглядеть защищенным перед этим безотрывно взирающим миром. Поскольку инсценировка, имиджевость касаются всех сторон жизни, то они – эти стороны – оказываются отчужденными от самого человека, который не чувствует их больше аутентичными. Защищается от таких переживаний современный человек при помощи цинизма и иронической отрешенности, самоиронии и саркастического самоунижения. Публичная деятельность, отношения людей, искусство становятся (само)пародийными, высмеивающими, абсурдистскими. Тривиализации подвергается и такая часть общественной жизни, как спорт, который превратился в суррогатную религию, широкую палитру продуктов для массового потребления. Спорт теряет дух состязательности, становясь шоу-бизнесом и вследствие этого деградируя [3, с. 109]. Шестую главу книги К. Лэш посвятил описанию современных ему тенденций в образовании, которые привели к новым формам неграмотности как в школьном, так и в институтском сегментах. Реформы американского образования середины XX в. были направлены на приспособление этого самого образования к окружающей жизни, что привело к массовой атрофии компетентности и неуклонному «снижению интеллектуальных стандартов во имя актуальности и других прогрессивных лозунгов» [3, с. 141] – ученики и студенты стали привыкать, что их развлекают. Образование тоже превратилось в товар, вобравший основные характеристики современной культуры: следование идеологиям, культ самореализации и бегство в творчество. Далее, переходя от анализа образовательных тенденций к семье, К. Лэш остановился на рассмотрении культов вседозволенности и подлинности. Правильному, «аутентичному» обращению с детьми встревоженных и растерянных родителей должны обучить специалисты помогающих профессий. В связи с этим подавляющая часть родительских функ-

ций была передана социальным институтам, довершив демонтаж патриархальной семьи. А матерям и отцам досталось драматичное предписание быть идеальными родителями, которое реализуется избыточной формальной и холодной заботой о ребенке «со знанием дела». С концом эпохи патриархальной семьи и нивелированием отцовского авторитета формируются условия, в которых важным является скорее не то, что ребенок лишается ролевой «отцовской» модели, а то, что ранние фантазии об «отсутствующем отце» доминируют над развитием Суперэго [3, с. 175]. Мать компенсаторно, дополнительно к своей, начинает принимать мужскую роль, сбивая с толку ребенка, который, в свою очередь, вынашивает грандиозные фантазии заменить отца, добившись славы и успеха. Крах родительского авторитета проявляется – тут К. Лэш также широко ссылался на современных ему психоаналитиков – еще и в том, что на место ценностей Суперэго (самоконтроля) приходят ценности Ид (потакания своим желаниям). Формализации, тривиализации подвергаются личные отношения [культ близости убивает саму близость], а также отношения мужчин и женщин. Демистификация женственности сопровождается демаскулинизацией мужчин. «Секс, ценимый исключительно ради него самого, теряет всякую связь с будущим и не дает надежды на постоянные отношения» [3, с. 191]. Сексуальность используется обдуманно и расчетливо, личные отношения оцениваются в первую очередь со стороны эмоциональных рисков, что только усиливает «войну полов». Отдельную – девятую – главу К. Лэш посвятил вопросам старения. Точнее, отношению нарциссического человека к своему старению, к жизненному увяданию. Главной идеей и пафосом в этом вопросе является описание ужаса перед старостью и смертью. Современный человек старается снизить пугающее давление предстоящей смерти, развивая целый

комплекс наук: гериатрию, геронтологию, танатологию, крионику и другие направления, «сулящие» бессмертие. Традиционные утешения старости, связанные с верой в лучшую жизнь детей и внуков, не имеют теперь прежней силы, поскольку само будущее потеряло свой заряд, перестало существовать (как и прошлое – о разрушенной «связи времен» уже было написано). Нарциссический человек напряженно пытается бесконечно продлить настоящее и желает себе вечной молодости.

В завершении книги К. Лэш резюмировал, что современная система социально-экономических отношений (современный капитализм) породила новый вид патернализма, новый тип подчинения. Отказавшись от авторитета отцов, священников, рабовладельцев и помещиков, нарциссический человек усвоил новые методы социального контроля – идеологию благосостояния и самопоглощенности. Гегемония монархий сменилась гегемонией бизнес-корпораций и корпоративных систем, бюрократов и экспертов. Правящим классом стала управленческая и профессиональная элита. Новые способы социального контроля мешают общественным противоречиям принять политическую форму, но не устраняют источник этих противоречий. «Карательное правосудие уступило место терапевтическому» [3, с. 229]. Поскольку в обществе отдельному его члену все труднее найти удовлетворение в любви и работе, общество в ответ окружает индивида искусственными фантазиями о полном удовлетворении и самореализации. Так в мягкой форме существуют и распространяются практики социального нарциссизма. Паттерны обожания, фиксированности на себе, самовозвышения возвратно усиливаются, поскольку своими фаворитами общество часто выбирает отдельных нарциссически организованных личностей. «Красивые люди – если использовать это откровенное выражение и включить в него не только богатых путешественников, но и всех тех,

кто хоть ненадолго попадает под прицел камер, – живут фантазиями о нарциссическом успехе, который не состоит ни из чего более существенного, чем желание, чтобы им восхищались не за достижения, а просто за себя, некритично и безоговорочно» [3, с. 231]. Современное капиталистическое общество не только возвышает нарциссов, но и усиливает нарциссические черты в каждом человеке.

В послесловии к своей книге, дополнительно опубликованном в 1991 г., Кристофер Лэш разместил вопрос, который он чаще всего получал от читателей и коллег, критиков, – изменилось ли что-то за прошедшие 10 лет в его взглядах на ведущий социальный тип человека? Отвечая, он еще раз подчеркнул, что нарциссизм не является для него синонимом и заменой понятия «эгоизм». «Культура нарциссизма» опирается на предыдущие его работы и наблюдения, например о снижении значения семьи в прошедшие сто лет, об изменениях в структуре распространенных в культуре авторитетов. Каждая культура вырабатывает свои особые модели воспитания и социализации человека, которые приводят к формированию особого типа личности, соответствующего требованиям данной культуры. Во многом в своих выводах К. Лэш опирался на работы психоаналитиков, однозначно отмечающих, что вместо пациентов с неврозами за помощью стали обращаться нарциссически организованные личности. Люди в социальном плане демонстрируют чрезмерную озабоченность собой, тем, как они представлены в восприятии других, формируя «общество зрелищ». За эти прошедшие десять лет, пишет К. Лэш, его интерес к психоаналитической концепции нарциссизма еще более укрепился, усилив понимание того, что нарциссизм в социальном плане представляет собой защитное стремление современного человека избавиться от накопившегося напряжения. Это попытка вернуться к полному детскому удовлетворению, к нирване,

к гармонии и балансу, активировав грандиозный и магический взгляд на действительность. Нарцисс не видит, не хочет видеть различие между собой и миром, как ребенок на ранней стадии не способен в восприятии отделить себя от матери. Нарциссическая самодостаточность пленяет возможностью возврата к блаженству и нивелированием факта разлуки, разделения, утраты. Технологический взгляд на мир (фаустианский, как его характеризовал К. Лэш), усиливающийся с каждым годом, подкрепляет фантазии современного человека о собственном всемогуществе, о способности покорить природу, материю, время, чтобы стать, наконец, неуязвимым и насытившим свои потребности. Этот способ отношения с миром сопровождается возрождением древних суеверий, реинкарнационных ожиданий, растущим увлечением оккультизмом и другими причудливыми формами духовности, связанными с движением New Age [6]. Бунт против разума соседствует с верой в науку и технологии. Архаичные мифы распространяются среди граждан самых современных, научно просвещенных и прогрессивных стран мира. Основания для укоренения философии New Age К. Лэш видел также в нарциссической инфантильной иллюзии о самодостаточности, нирване, в уходе от реальности горя, потерь, старения и смерти. «Как ничто другое, именно это сосуществование гиперрациональности и широко распространенного бунта против рациональности оправдывает характеристику нашего образа жизни двадцатого века как культуры нарциссизма» [3, с. 248].

Со времени второго издания «Культуры нарциссизма» (1991) прошло более тридцати лет. XX век сменился на XXI век. Глядя вокруг на социально-экономические процессы в нашей стране и в мире, мы без особых изменений видим описанную К. Лэшем картину жизни современного нам человека. Некоторые аспекты и направления стали звучать с еще большей силой: в лавинообраз-

ном увеличении визуального контента, в продолжающемся снижении статуса и авторитета семьи, в росте количества «экспертов» по всем жизненным вопросам, в сохраняющейся фиксации на сверхпотреблении, в продолжающей развиваться и искать новые формы стратегии соблазна, увязанной с рекламой и рынком, в усиливающемся сепаратизме и пр. Количество научных работ по теме нарциссизма также неуклонно росло все эти годы. Метаанализ 15 крупных баз данных [7], проведенный в 2015 г. и охватывающий работы за сто лет (1914–2014), показал, что более половины трудов, в которых используется термин «нарциссизм», приходится на десятилетие с 2004 по 2014 г., в частности, именно тогда были защищены все диссертационные исследования, посвященные данной тематике. В целом публикации по нарциссизму можно разделить на три периода. Начиная с рубежа XIX – XX вв. – это тексты психиатров и психоаналитиков. Во второй половине XX в. тема нарциссизма активно разрабатывалась социальными науками, главным образом через призму конструкта «общество потребления». Именно на этот период и пришлась книга К. Лэша, ставшая для всего корпуса работ одной из основных [8]. В настоящее время на третьем этапе нарциссизм рассматривается в контексте социальных медиа, развития современных гаджетов и технологий искусственного интеллекта. Продолжает активно обсуждаться вопрос роста нарциссической патологии среди населения земного шара. Некоторые исследователи сравнивают этот рост с эпидемией [9]. Нарциссические паттерны и характеристики активно исследуются с помощью нейронаук, получивших мощное техническое подкрепление [10]. Количество российских работ о нарциссизме, концептуализирующих соответствующие идеи в поле общественных отношений, пока не так велико [11–13]. Тем важнее знакомство отечественных читателей и исследователей с ключевыми публикациями зарубежных коллег по данной тематике.

Список литературы

1. Wolfe T. The «Me» Decade and the Third Great Awakening [Электронный ресурс] / NewYorkMagazine. URL: <https://nymag.com/article/tom-wolfe-me-decade-third-great-awakening.html> [дата обращения: 19.12.2023].
2. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2001. 330 с.
3. Lasch Ch. The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. New York & London: W.W. Norton & Co, 1991. XX, 283 p.
4. Rubin J. Growing (Up) at Thirty-Seven. New York: M. Evans & Co. 1976. 208 p.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. Москва: Ad Marginem, 2000. 319 с. (Коллекция «Философия по краям»).
6. Филиппович А.В. Эра Водолея: философия истории Нью Эйдж / А.В. Филиппович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. 2021. № 20-2. С. 101-107.
7. Douglas R. Ramos. The Narcissism Expression in Publications from 1914 to 2014 // Journal of Modern Education Review. 2018, Vol. 8, No. 3. P. 242-245.
8. Grubner B. Narcissism in cultural theory: Perspectives on Christopher Lasch, Richard Sennett, and Robert Pfaller // Frontiers of Narrative Studies. 2017. Vol. 3, Issue 1. P. 50-70.
9. Prevalence and treatment of narcissistic personality disorder in the community: a systematic review / N. Dhawan, M.E. Kunik, J. Oldham, J. Coverdale // Comprehensive psychiatry. 2010. Vol. 51, Issue 4. P. 333-339.
10. Jauk E., Kanske P. Can neuroscience help to understand narcissism? A systematic review of an emerging field // Personality neuroscience. 2021. Vol. 4. P. 1-29.
11. Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. От Эдипа к Нарциссу: беседы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 224 с. (Петербургский текст).
12. Разинов Ю.А. От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2019. № 1 (25). С. 3-14.
13. Кудря Л.В. Отчуждение – от Эдипа к Нарциссу // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: сб. докл. науч. сессии, Санкт-Петербург, 11-18 апр. 2022 г. / С.-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостроения. Санкт-Петербург, 2022. С. 25-30.

Сведения об авторе:

Зотов Алексей Михайлович, аспирант кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, врач-психотерапевт, главный врач медицинского центра психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи «София»

ул. Никитинская, 108, Самара, 443030
am-zotov@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.01.2024

Одобрено: 22.04.2025

Дата публикации: 30.06.2025

Для цитирования:

Зотов А.М. «Культура нарциссизма» Кристофера Лэша // Сфера культуры. 2025. № 2 (20). С. 13–24. DOI: 10.48164/2713-301X_2025_20_13

УДК 130.2+172.1

DOI: 10.48164/2713-301X_2025_20_13

A.M. Zotov

Samara

Samara National Research University Medical Center for Psychological,
Psychotherapeutic and Psychiatric Care "Sofia"
am-zotov@mail.ru**CULTURE OF NARCISSISM BY CHRISTOPHER LASH**

A programme study by Christopher Lash, professor of history at the University of Rochester (1932-1994), *The Culture of Narcissism: American Life in an Era of Diminishing Expectations*, first published in 1979, has become a certain manifesto of a new type of culture and revealed the forming peculiarities of a modern man socio-type. Basing on theoretical generalizations of the clinical practice of psychoanalysts, the scholar examined the socio-political and economic processes in the United

States in the XXth century through the prism of the "narcissistic culture" concept. The current article provides an overview of the key provisions of Ch. Lash's book, which, despite its obvious relevance, still has no professional translation into the Russian language.

Keywords: narcissism, narcissism culture, consumption society, a society of spectacles, self-absorption, a therapeutic regimen, liberalism.

References

1. Wolfe, T. The «Me» Decade and the Third Great Awakening. URL: <https://nymag.com/article/tom-wolfe-me-decade-third-great-awakening.html> (Accessed 19.12.2023). (In English).
2. Lipovetsky, J. [2001] *E`ra pustoty`: e`sse o sovremennom individualizme* [The Era of Emptiness: an Essay on Modern Individualism]. Transl. from French by V.V. Kuznetsov. Saint Petersburg: Vladimir Dal`. (In Russian).
3. Lasch, Ch. (1991) *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York & London: W.W. Norton & Co. (In English).
4. Rubin, J. (1976) *Growing (Up) at Thirty-Seven*. New York: M. Evans & Co. (In English).
5. Baudrillard, J. (2000) *Soblazn* [Temptation]. Transl. from French by A. Garaji. Moscow: Ad Marginem (In Russian).
6. Filippovich, A.V. (2021) *E`ra Vodoleya: filosofiya istorii N`yu E`jdzh* [Aquarius Era: Philosophy of New Age History]. *Nauchny`e trudy` Respublikanskogo instituta vy`sšej shkoly`. Filosofsko-gumanitarny`e nauki* [Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical Science and Humanities], No. 20-2, 101-107. (In Russian).
7. Douglas, R., Ramos (2018). The Narcissism Expression in Publications from 1914 to 2014. *Journal of Modern Education Review*. Vol. 8, No. 3, 242-245. (In English).
8. Grubner, B. (2017) Narcissism in Cultural Theory: Perspectives on Christopher Lasch, Richard Sennett, and Robert Pfaller. *Frontiers of Narrative Studies*. Vol. 3, Issue 1, 50-70. (In English).
9. Dhawan, N., Kunik, M.E., Oldham, J., Coverdale, J. (2010). Prevalence and treatment of narcissistic personality disorder in the community: a systematic review *Comprehensive psychiatry*, Vol. 51, Issue 4, 333-339. (In English).

10. Jauk, E., Kanske, P. (2021) Can neuroscience help to understand narcissism? A systematic review of an emerging field. *Personality neuroscience*, Vol. 4, 1-29. (In English).
11. Goricheva, T., Orlov, D., Sekaczkiy, A. (2001) *Ot E`dipa k Narcissu: besedy`* [From Oedipus to Narcissus: Conversations]. Saint Petersburg: Aletejya. (Petersburg Text). (In Russian).
12. Razinov, Yu.A. (2019) *Ot E`dipa k Narcissu: po krayam obshhestva potrebleniya* [From Oedipus to Narcissus: at the Edges of the Consumer Society]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], No. 1 (25), 3-14. (In Russian).
13. Kudrya, L.V. (2022) *Otchuzhdenie – ot E`dipa k Narcissu* [Alienation - from Oedipus to Narcissus]. *Nauchnaya sessiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ae`rokosmicheskogo priboroostroeniya: Gumanitarny`e nauki: sbornik dokladov nauchnoj sessii, Sankt-Peterburg, 11-18 aprelya 2022 goda* [Scientific Session of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation: Humanities: a Collection of Reports of the Scientific Session, Saint Petersburg, April 11-18, 2022]. Saint Petersburg, 25-30. (In Russian).

About the author:

Alexey M. Zotov, postgraduate student of the Department of Philosophy of the Samara National Research University, psychotherapist, chief physician of the Medical Center for Psychological, Psychotherapeutic and Psychiatric Care "Sofia"

108 Nikitinskaya Str., Samara, 443030
am-zotov@mail.ru